Региональный конкурс
исследовательских краеведческих работ обучающихся
«Отечество»

Жизнь слепых в блокадном Ленинграде на страницах дневника Э.Я. Галвина

Автор:
Улитин Всеволод,
ученик 11 “А” класса,
ГБОУ средней школы № 151
Красногвардейского района.
г. Санкт-Петербурга.
ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской».
Тел.: 8-911-952-88-75
Руководитель:
Попов Никита Алексеевич,
педагог ОДОД.
Тел.: +7-921-925-42-41
e-mail: nicpopov@mail.ru

Санкт-Петербург
2025

Содержание

Содержание 2

Список сокращений 3

Введение 4

Глава 1. Эдуард Галвин и его дневник 8

Глава 2. Жизнь слепых в блокадном Ленинграде: ноябрь 1941 года — переломный месяц 13

Глава 3. Декабрь 1941 года: наступление зимы 18

Глава 4. Январь и февраль 1942 года: борьба за жизнь 23

Заключение 28

Список источников и литературы 31

Приложения 32

Список сокращений

ВОС — Всероссийское общество слепых.

ГОРВОС — Ленинградская городская организация ВОС.

ДПС — Дом просвещения слепых.

Ленгубсовет ВОС — Ленинградский губернский совет ВОС.

ЛООВОС — Ленинградская областная организация ВОС.

СПб РО ВОС — Санкт-Петербургская региональная организация Всероссийского общества слепых.

УПМ — Учебно-производственный мастерские.

Введение

Актуальность. Сегодня существует множество книг, посвящённых блокаде Ленинграда. Есть профессиональные исследования, есть публицистические работы, есть художественные произведения. Но, по-моему, нет ничего такого, чтобы не задевало наши чувства сильнее, чем опубликованные рассказы тех, кто сам пережил те ужасные события. Особенно интересны в этом отношении дневники, ведь в них автор обычно делал записи по горячим следам. Он не стеснялся читателя — для него ведение дневника было способом обдумать пережитое, выразить чувства, которые переполняли его в тот момент. Вот почему дневники блокадников так интересны в качестве исторических свидетельств.

С окончания Великой Отечественной войны было опубликовано множество дневников. Они принадлежали людям разного возраста, разных профессий. Благодаря этому мы многое можем узнать о том, как выживали в блокаду представители разных социальных групп. Но есть в этой картине и белые пятна. Согласно данным Всероссийского общества слепых, накануне блокады было более 3000 незрячих, являвшихся членами этой организации. В сентябре 1941 года в городе их осталось примерно 300. Что же с ними стало? Могли они выжить в тех условиях? Кто им помогал? Как они получали еду? Чем были заняты? Проект, в котором я принимаю участие, как раз ставит перед собой цель восполнить наши знания об этой странице блокадной истории.

В архиве Народного музея истории общества слепых хранится рукопись (машинописные листы) блокадного дневника, автором которого стал Эдуард Яковлевич Галвин. На момент начала блокады ему было 52 года, и он возглавлял Организацию общества слепых Ленинградской области. Как председатель президиума он проживал в квартире на Петроградской стороне по адресу ул. Стрельнинская, д. 11. Именно там находилось городское и областное правления общества, библиотека, центр образования и досуга для незрячих. В годы блокады там находился центр жизни этого сообщества. Поэтому в записях Галвина подробно отражена повседневность незрячих ленинградцев — малоизвестная страница в истории блокады.

Объектом исследования стал дневник Э.Я. Галвина.

Предметом исследования являются особенности жизни слепых в блокадном Ленинграде в ноябре 1941 — феврале 1942 гг..

Цель исследования заключается в том, чтобы на базе отдельных заметок из дневника Э.Я. Галвина сформировать общую картину жизни слепых в блокадном Ленинграде, выделив её особенности.

Задачи:

1. Оцифровать и отредактировать машинописные листы рукописи Э.Я. Галвина, составляющие конверты «Январь-Ноябрь 1941 г.», «Декабрь 1941 г.», «Январь 1942 г.», «Февраль 1942 г.».

2. Составить словарь из встречающихся сокращённых личных имён и терминов, с помощью сравнительного анализа различных частей текста и привлечения дополнительных справочных материалов провести расшифровку.

3. Проанализировать содержание расшифрованных и отредактированных записей, чтобы выделить факты о жизни слепых в блокадном Ленинграде они содержат.

4. Систематизировать полученную информацию и составить описание различных сторон жизни слепых. сложившихся к началу ноября 1941 года, а также изменений, происходивших на протяжение зимы 1941-1942 гг.

5. Сделать выводы об особенностях жизни слепых в блокадном Ленинграде и о том, насколько полно они раскрыты в дневнике Э.Я. Галвина.

Сегодня существует немного публикаций, посвящённых незрячим ленинградцам, оказавшимся в городе во время блокады в 1941-1944 гг. Несмотря на то, что по этой теме было собрано много материалов сотрудниками Народного музея истории СПб РО ВОС и адеж подготовлены тексты статей, значительная их часть так и не была опубликована. Так, например, произошло с рукописью В.Т. Куприянова «Ленинградская организация ВОС в годы войны и блокады». [5] В ней в общих чертах описаны основные направления деятельности Ленинградской организации в период обороны Ленинграда: работа Учебно-производственных мастерских (УПМ), Дома просвещения слепых (Домпросвет, ДПС), руководящих органов городской и областной организации. Также приведены данные о численности слепых в годы блокады, сведения об их участии в боевых действиях в составе частей ПВО. К сожалению, в статье почти не содержится подробностей о бытовых условиях и повседневной жизни в блокадном городе. В опубликованной статье «Слухачи» [12] в фокусе внимания находятся биографии добровольцев, служивших на звукоулавливающих установках, а также приведены некоторые факты об их военной службе. В тексте тоже нет подробностей о жизни в блокаду.

Есть ряд небольших по объёму и в основном публицистических статей, посвящённых отдельным вопросам, связанным с жизнью слепых в годы блокады. Например, некоторые детали из воспоминаний блокадников приведены у Л.А. Высоцкой в заметке «Незабываемое. Незрячие в блокадном городе». [8] Статьи О.И. Ястребовой описывают работу Домпросвета и отдельно его библиотеки для незрячих и слабовидящих в годы войны. [15, 16] Существует большое количество публикаций, посвящённых слепым

слухачам, например это статьи Р.Ф. Большаковой, Т. Добровиной и многих других. [7, 10] Но все они были написаны для популярных периодических изданий и не снабжены ссылочным аппаратом, а главное, авторы в них тоже почти не касаются интересующей нас темы.

Большим прорывом стала публикация в 2024 году дневников и воспоминаний трёх слепых блокадников: Петра Горчакова, Акима Марчика и Евгения Клюшникова. Эти тексты вошли в сборник «Память в дневниках». [13] Там действительно содержатся отдельные свидетельства о тех или иных обстоятельствах жизни незрячих в осаждённом Ленинграде. К сожалению, основным недостатком всех воспоминаний является то, что они писались спустя длительное время после окончания войны. По этой причине авторы не помнили или не считали нужным добавлять текст много подробностей, а наоборот, старались обобщить свои впечатления и мысли. Только П. Горчаков пытался вести дневник с марта 1942 года, но делал записи нерегулярно и через несколько дней после событий. О первом полугодии блокады он тогда написал кратко по памяти. Несмотря на эти недостатки, сборник пока представляет собой наиболее крупную публикацию по теме данного исследования.

Для анализа дневника Э.Я. Галвина было необходимо изучить его биографию и историю создания рукописи. Жизнь и деятельность Галвина отражены в ряде источников и публикаций. В Народном музее истории СПб РО ВОС хранятся копии его автобиографий, написанных для отдела кадров, а также составленные на него характеристики. Для описаний важнейших этапов жизненного пути Галвина был использован ряд статей: М. Пойшо «Эти великие дни…» [14] и Е.В. Клюшников «Высокая награда». [11] Первая из них написана латышским журналистом ещё при жизни Галвина, поэтому основана, как на документах, так и на интервью с ним. В ней подробно описывается «доленинградский» период жизни, связанный с участием в революционной деятельности и гражданской войне. Е.В. Клюшников опубликовал свою статью спустя несколько лет после смерти Галвина и больше сконцентрировался на его достижениях как одного из руководителей Ленинградской организации ВОС. Обе работы дополнили материалы, собранные автором в архиве Народного музея.

Дневник Э.Я. Галвина, использованный для проведения исследования, представляет собой собрание машинописных листов книжного формата, распределённых по отдельным конвертам по месяцам. Из всего оригинального текста на данный момент расшифровано 4 части, охватывающие период в 4 месяца: с ноября 1941 по февраль 1942 года. Вместе это 219 листов текста, набранного 12 кеглем на листах формата А4. Более подробное описание источника и процесса работы с ним будет дано в главе 1. В целом особенности структуры

изложения и содержание дневника были одновременно полезны для исследования и создавали трудности в работе. Главная причина этого заключается в том, что автор вёл записи для себя, а потому не занимался расшифровкой и пояснением того, о чём сам имел хорошее представление.

Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка источников и приложений. В главе 1 представлены результаты изучения биографии Э.Я. Галвина и истории создания его дневника. Во второй главе на основании исследования содержания первой части блокадных дневниковых записей описаны основные стороны жизни незрячих в осаждённом Ленинграде в начале ноября 1941 года. В главе 3 показаны изменения, произошедшие в течение декабря 1941 года в быту, в сферах трудовой и культурной жизни. На этом основании сделаны выводы о значении всех этих перемен. В главе 4 рассмотрены особенности жизни лепых в самые трудные месяцы первой блокадной зимы, когда физически силы многих были уже на исходе. В заключении делаются выводы на значении дневника Э.Я. Галвина как исторического источника о жизни слепых в блокадном Ленинграде, указывают её основные особенности, устанавливаются основные причины и следствия выделенных отличий жизни слепых ленинградцев от жизни зрячих.

Глава 1. Эдуард Галвин и его дневник

Настоящее имя Эдуарда Галвина — Петерис Бундурс. Он родился в семье безземельного крестьянина 29 сентября 1889 года в Литве. [14, с. 3] В 1891 году его родители переехали в Латвию. Петерис уже с детства помогал отцу по хозяйству: пас гусей, свиней и коров. А уже с 16-ти лет начал этим заниматься полноценно. Е.В. Клюшников в своей статье уточняет, что юноша уходит из дома, чтобы найти работу. [11] Связано это было с тем, что в 1908 году отцовское хозяйство пришло у упадок, и сын устроилсяна работу батраком у фермеров.

Из статьи М. Пойшо мы узнаём, что ещё в 1904-1905 годах Петерис Бундурс стал участвовать в революционной деятельности в Прибалтике. [14, с. 4] В то время он только закончил школу, ему было 15 лет. Но ему было крайне трудно ориентироваться в такой политической суматохе: кто прав, а кто — нет? Те события, включая репрессии, восстания и особенно деятельность «Чёрной сотни» оставили у Бундура глубокий отпечаток в душе, что сильно в дальнейшем повлияло на его жизнь и характер. В то время по вечерам и воскресеньям он стал заниматься чтением и самообразованием. Это говорит о высокой духовности и культурности этой личности.

После завершения Первой русской революции, Бундурс прошёл практику на молочных фермах и поступил на работу в качестве контроль-ассистента в Общество молочных хозяев. Летом 1913 года вступил в партию социалистов-революционеров. После начала репрессий в отношении членов организации переехал и сменил имя на русский вариант — Бундур Пётр Яковлевич. Летом 1915 года он отправился мобилизованным на фронт Первой мировой войны как ратник второго разряда в качестве землекопа. По информации из статьи Пойшо, полученной от Галвина, им поручили копать линию укреплений на рубеже вблизи Западной Двины. [14, с. 9] При это военное начальство плохо снабжало землекопов: не хватало провизии, люди жили в очень плохих условиях. Это привело к тому, что Бундур покинул службу. Точных сведений о том, как ему удалось это сделать, нет. Прибыв в Ригу, он затем вновь получил поддельные документы, в этот раз на имя Эдруарда Яковлевича Галвина. Это имя закрепилось за ним на всю оставшуюся жизнь.

Осенью 1915 года Галвин устроился на работу в Прибалтийском Латвийском комитете по оказанию помощи беженцам. В апреле 1917 года вступил в Латвийскую социал-демократическую рабочую партию большевиков и занимался организацией батрацких советов. После Октябрьской революции работал председателем вольного Исполкома в Одензейской области. Состоял в местном отряде Красной Гвардии. В 1918

году во время оккупации Латвии немцами был арестован и попал в концлагерь около города Гаммерштейн. Из плена вернулся в декабре 1918 года и работал во Временном Революционном Комитете в Штокмансгор Рижского уезда.

В мае 1919 года Галвин участвовал в обороне города Риги от противников советской власти и их немецких союзников. 23 мая он получил контузию, которая привела к потере зрения. Галвин пробовал лечиться в Москве, но успеха добиться так и не удалось. По другой версии, упомянутой в музейной справке, он лечился в Петрограде, но автор предполагает, что это всё-таки ошибочная версия. [9] С августа 1919 года по сентябрь 1922 года Э.Я. Галвин жил в городе Великие Луки как инвалид на пенсии. В сентябре 1922 года он переехал в Петроград. Видимо, причиной было то, что он узнал о том, что в городе есть специализированные общежития и артели для военнослепших. По характеру Галвин был очень деятельным человеком и не мог упустить возможность вернуться к более активной общественной жизни. В Петрограде он вступил в артель «Ослеплённый Воин», здание которой располагалось на Каменном острове, на углу современного Каменноостровского проспекта и набережной Карповки, Спустя некоторые время Галвин уже был избран председателем этой артели.

В 1924-1925 годах Эдуард Галвин участвовал в организации Ленинградского Отдела Всероссийского Общества Слепых. В 1925 году он стал председателем Ленинградского губернского совета ВОС, а в 1928 году после учёбы в Коммунистическом университете национальных меньшишств запада вернулся на этот пост. Он активно занимался развитием учебно-производственных мастерских (УПМ), а в 1930-е годы принимал участие в создании крупнейших предприятий того времени для трудоустройства слепых, включая завод Ленинградский электромоторный завод общества слепых (ЛЭМЗОС). Эдуард Галвин постоянно боролся за сохранение хозяйственной самостоятельности ВОС, несмотря на давление со стороны Народного комиссариата социального обеспечения. На этом основании в 1930-е годы Галвин сталкивался с противодействием со стороны центрального руководства ВОС, отстаивая идею сохранения самостоятельности учебно-производственных мастерских (УПМ). Благодаря его усилиям в Ленинградской области были открыты мастерские в 12 районах, а также создан комбинат, включающий несколько УПМ. Эти меры позволяли направлять средства на развитие областных организаций и улучшение условий труда для слепых.

К началу Великой Отечественной войны Эдуард Галвин проявил себя как человек с сильным характером и умелый организатор, чья энергия и стойкость вдохновляли окружающих. Люди, знавшие его, впоследствии отмечали, что как руководитель он старался сочетать возможность демократического обсуждения вопросов с твёрдостью в

осуществлении принятых решений. [9, с. 9; 11] Также отмечали его преданность коммунистическим идеям. Ещё обращали внимание, и сам Галвин тоже пишет об этом в дневнике, что внутренне он был довольно эмоциональным человеком, хотя внешне был сдержан. Эти особенности подтверждаются характером и содержанием отдельных записей Галвина — он был склонен к рефлексии, которая, возможно, даже усилилась в условиях блокады.

Оказавшись в блокадном Ленинграде, Галвин как и другие ленинградцы страдал от голода и холода, но продолжал как мог исполнять обязанности руководителя областной организации ВОС, документировать события и даже некоторое время исполнять обязанности редактора журнала «Путь восовца». Осенью 1942 года Галвин был эвакуирован в Боровичи, откуда ему нужно было восстановить связь с местными организации по Ленинрадской области. В этот период он активно переписывался с коллегами, проводил ревизии работы ВОС и участвовал в расширенных заседаниях Центрального правления. Из недавно полученных данных из домовых книг по адресу Стрельнинская, д. 11 стало известно, что Эдуард Галвин вместе со своей зрячей женой Марией Девен, заведовавшей до эвакуации библиотекой ДПС, дважды приезжали в Ленинград после прорыва блокады: в начале июля и в конце декабря 1943 года. [6, л. 52об.-53] Их целью было получить оборудование из Института слепых детей. Школа была эвакуирована ещё летом 1941 года, поэтому оборудование и материалы для производства письменных приборов и печатных машинок шрифтом Брайля можно было использовать для налаживания работы с военнослепшими в области. К сожалению записей об этих приездах в город до нас не дошло.

После снятия блокады Галвин вернулся в Ленинград, где начал восстанавливать работу ВОС практически с нуля. К 1950 году в области было создано 19 первичных организаций, численность которых достигала 350 человек. Галвин принимал участие в съездах и конференциях ВОС, уделяя особое внимание трудоустройству инвалидов войны и восстановлению демократических принципов работы общества, снижение директивного контроля со стороны государственных органов. Однако в послевоенные годы на руководящих должностях ВОС началась борьба поколений, в результате которой Галвин был вынужден уйти с поста председателя областной организации. На пенсии, несмотря на обострение заболеваний, он работал над редактированием архива собственных записей, публиковал статьи по истории организации и выступал с лекциями. Умер Эдуард Яковлевич Галвин 30 апреля 1971 года и был похоронен на «коммунистической площадке» Серафимовского кладбища.

Личный архив Э.Я. Галвина был передан его второй женой Раисой Самуиловной Ефуни Музею истории Ленинградской организации ВОС. Среди прочих бумах, заметок и писем в его составе был и блокадный дневник. Э.Я Галвин стал вести дневниковые записи ещё в довоенное время. Возможно, это отчасти было связано с тем, что хотел повысить свой уровень владения русским языком, который не был для него родным. В 1930-е годы Галвин стал активно писать статьи для журнала «Путь восовца» и был участником литературного кружка в Доме просвещения слепых. Его литературные способности были отмечены многими. Это могло вдохновить его практиковаться больше. «Блокадный дневник», видимо, представляет собой лишь часть записей, которые Галвин вёл на протяжение жизни. Это подтверждает тот факт, что в папку попали также заметки за период с января по июль 1941 года.

Дневник напечатан с помощью пишущей машинки на отдельных листах размером в два раза меньше от листа современного формата А4. Они разложены по 8 конвертам: «Январь-ноябрь 1941 г.», «Декабрь 1941 г.», «Январь 1942 г.», «Февраль 1942 г.», «Март 1942 г.», «Апрель 1942 г.», «Май 1942 г.», «Июнь 1942 г.», «Июль 1942 г. Ещё одни, 9-й конверт, подписан «Перепечатанные в 1964 г.». В нём содержатся записи с 26 июня по 29 июля 1944 года, сделанные в Ленинграде после возвращения из эвакуации. Кто именно перепечатал эту часть записей пока точно не установлена, но текст этой части отличается большей проработанностью и отсутствием сокращений.

Внутри конвертов листы далеко не всегда находятся в правильном порядке. Не на всех страницах текст хорошо читаем. Можно предположить, что это связано с плохими условиями хранения, в которых записи оказались во время блокады. Есть также вероятность того, что Галвин, будучи слепым, не мог проверить состояние чернил в машинке. Встречаются и листы без заметных следов текста. Все эти особенности существенно осложняли и замедляли процесс расшифровки дневника. Особо проблемой стала работа с личными именами и фамилиями людей, упоминаемыми Галвиным. Вместо полного имени или фамилии он нередко писал только первую букву, поэтому приходилось сопоставлять разные части дневника, чтобы разобраться, кто есть кто. Также автор не считал для себя необходимым досконально разбирать все особенности устройства жизни в доме на Стрельнинской 11, поэтому разобраться отдельных бытовых нюансах можно было только изучив несколько записей за разные дни.

Несмотря на имеющиеся трудности, дневник Э.Я. Галвина оказался очень ценным источником информации о жизни слепых в блокадном Ленинграде. Это объясняется личными качествами галвина, способствовавшими тому, что он внимательно и тщательно фиксировал многие события, которым был свидетелем или о которых он слышал. Кроме

того, он проживал в самом центре жизни сообществе незрячих ленинградцев и был одним из руководителей организации. Это означало, что он был довольно хорошо осведомлён о положении дел у восовцев. Вот почему в его дневнике встречаются упоминания многих рядовых членов организации и рассказывается об их судьбе. Изучение дневника Э.Я. Галвина позволит расширить наши представления о блокаде.

Глава 2. Жизнь слепых в блокадном Ленинграде: ноябрь 1941 года — переломный месяц

Дошедшая до нас блокадная часть дневников Э.Я. Галвина начинается с ноября. И записи первых двух месяцев дают достаточно полное представление о том, как складывались различные стороны жизни слепых в ходе затягивавшейся блокады Ленинграда. Это объясняется тем, что Галвин находился в центре жизни сообщества ленинградских слепых. В Доме просвещения на Стрельнинской улице Петроградской стороны находилось и правлении организации, в котором работал Галвин, и кружки, библиотека, и столовая для работников, и квартиры. Поэтому анализ содержания дневника возможно начать с описания картины в целом. В дальнейшем это позволит проследить изменения в условиях жизни незрячих на протяжение зимы 1941-1942 годов.

Дом просвещения слепых представлял из себя что-то вроде дома-коммуны. Изначально каждая семь занимала в здание отдельную квартиру на третьем этаже, но уже в ноябре были также исключения из этого правила. К некоторым из постоянных жильцов переселялись их знакомые из других частей города. В одних случаях это было связано с разрушением жилищ в результате обстрелов и бомбардировок. В других случаях, люди съезжались, чтобы помогать друг другу. По этим причинам к Эдуарду Галвину и его жене Марии переехала их старая знакомая Мария Гансовна. От взрыва бомбы в её доме выбило стёкла, и вообще, по словам Галвина, в Смольнинском районе, где она проживала, было «неспокойно. [1, л. 27] Кроме того, дочь Марии Гансовны служила радисткой на флоте, а зять — в Красной Армии. Это могло предоставить доступ к дополнительным источникам продуктов и другим видам поддержки. Галвин отметил, что ещё в октябре старая знакомая делилась с ними излишками хлеба и других продуктов. [1, л. 27]

Э.Я. Галвин отмечает, что к концу осени у жильцов дома упростилось отношение к разным бытовым условностям. В доблокадное время ценились обособленность своего жилища, порядок и чистота. Но в ноябре самыми важными вопросами стали защищённость от снарядов и бомб, сохранение тепла в помещении, экономия сил. По этим соображениям Галвин вместе с женой и их знакомой фактически перебрались из квартиры на третьем этаже в общую комнату отдыха. По его словам, они объясняли себе этот поступок тем, что на нижних этажах было безопаснее при обстрелах и бомбардировках. [1, л. 20] Кроме того, в помещении была установлена печка-«буржуйка». обеспечивавшая тепло. О проблемах с дровами Галвин в это время ещё не пишет. При этом было уже достаточно холодно. На это

указывает то, что люди стали спать в одежде, ходить в помещениях в уличной обуви — в валенках и галошах. [1, л. 20]

В целом в начале ноября Дом просвещения слепых был ещё в неплохом состоянии. В нём было электричество — слепые могли по многу часов слушать радио, по которому передавали концерты [1, л. 5-6], сообщали «о славных делах наших лётчиков» [1, л. 8] и в целом о делах на фронте. Благодаря печкам-буржуйкам в помещении было тепло. Э.Я. Галвин не пишет о нехватке дров или трудности их добыть. Он отмечает, что нужно только следить, чтобы они были подходящего размера. [1, л. 20] Водопровод ещё работал, поэтому в подвале дома и даже в квартирах была вода.

Вопрос питания становился всё более важным для жильцов дома, но ещё не был критичным. В ноябре Галвин очень редко пишет о голоде: для сравнения в ноябре это слово встречается 8 раз, а в декабре — 18. Но, по его словам, в голову людям уже нередко приходила мысль, что «голод может оказаться сильнее, чем воздушные бомбардировки, чем обстрелы из дальнобойных орудий». [1, л. 16] В начале ноября в Доме просвещения продолжала работать столовая, в которой жильцы могли питаться, так как в подавляющем большинстве они были сотрудниками либо аппарата управления ВОС, культработниками или рабочими мастерских ВОС. Но, по замечаниям Э.Я. Галвина, обеды в столовой уже становились невыгодными. [1, л .13-14] Скорее всего, он имел ввиду то, что блюда становились дороже, а в магазине за то же количество талонов можно было купить продукты по более низки ценам. В итоге руководством Домпросвета была даже организована проверка. Она показала, что продукты, выделявшиеся на столовую, использовались нерационально. Например, выделялось какое-то количество сахара для добавления в чай и кисель, но вёлся учёт количеству стаканов, отпущенных посетителям. А порции макарон оказались почти в двое выше нормы. [1, л. 14] Из-за этого, по словам Галвина, даже возникли слухи, что перерасход организовало руководство Дома просвещения, которые питались в столовой чаще других. [1, л. 14]

Помимо питания в столовой, слепые незрячие дома на Стрельнинской улице могли ходить в магазины, которые были ещё вполне доступны для них. В них даже можно было приобрести своеобразные «товары роскоши»: вино (к празднику 7 ноября), натуральный кофе, конфеты и сливочное масло по детским карточкам, натуральный кофе. [1, л. 6, 18] По знакомой части города слепые могли передвигаться либо в сопровождении зрячих, либо самостоятельно, пешком или на трамвае. [1, л. 18] [2, л. 22, 26, 47, 59] Э.Я. Галвин пишет, что у слепых даже есть некоторое преимущество перед зрячими, потому что темнота не влияет на их способности ориентироваться в пространстве: «Как беспомощны становятся

все эти зрячие, попадая в непроницаемый мрак, — думаю, — вот почему они представляют слепого как совершенно беспомощного». [1, л. 33]

В начале ноября незрячие, проживавшие в Доме просвещения слепых, продолжали работать согласно своим должностям. Ещё в январе-феврале 1941 года под руководством Ленинградской организации ВОС были открыты Учебно-производственные мастерские. После начала войны они перешли на производство изделий для нужд армии и тыла. Начало блокады не остановило их работу. Например, Э.Я. Галвин пишет о щёточной артели, в которой трудились и несколько женщин, живших в здании Домпросвета. Теперь они занимались не выделкой щёток, а вязанием шерстяных носков. Также, согласно дневнику, 5 ноября 1941 года на Стрельнинской 11 состоялось производственное совещание Учебно-производственных мастерских. Их директор Н.Н. Щербинский пытался проводить производственное соревнование между цехами в преддверие годовщины Октябрьской революции. При этом Галвин заканчивает описание совещания такими словами: «Вообще не чувствуется и производственного подъёма среди слепых». [1, л .3] Это выражалось в том, что на совещании констатировали падение норм выработки и неактивное участие работников в соревновании. В целом руководство мастерских пыталось поддерживать их работу и даже делало попытки привлечь выздоровевших военнослепших, но начальство эвакопунктов препятствовало этому. [1, л. 19]

Дом просвещения слепых тоже как мог продолжал свою деятельность. Несмотря на трудности блокадной жизни работали кружки: кружок баянистов, хор, кружок художественного слова и другие. Для слепых регулярно организовывались просветительские лекции на разные темы. В библиотеку приходили читатели, часть книг выдавалась на дом. Даже в декабре, когда часть читателей уже не могла самостоятельно прийти и получить книги, их доставляли добровольцы, которых называли «книгоношами». [2, л. 50] Но постепенно из-за ухудшавшихся условий жизни культурная работа замирала. Э.Я. Галвин довольно подробно и эмоционально описывает этот процесс, поэтому не нужды пересказывать его слова:

«Первыми, кажется, замолкли баянисты. Потом прозвучала последняя песня хора. Нет. Не последняя. Никто не называл её последней. Хор прекратил свою работу в связи с отъездом руковода. Прекратил временно. Два раза пытался возобновить свою работу кружок шахматистов, но не удалось... То, что не могли сделать ни воздушные бомбардировки, ни грохот пушек над Ленинградом, на то способен наступающий голод». [1, л. 24]

Ещё одним направлением деятельности правления Ленинградской организации и руководства Дома просвещения была «взаимопомощь». Они имели связи с некоторыми

заводами и складами. Эдуард Галвин честно описывает несколько случаев, когда за счёт этого можно было получить некоторый «блат». Например, к празднику 7 ноября удалось договориться с заводом «Степан Разин» об увеличенной поставке интернату для военнооослепших на проспекте Динамо. При этом было оговорено условие, что часть пива будет передана руководству Дома просвещения. Но эта операция сорвалась, потому раненые делиться отказались. [1, л .9] В другом случае всё прошло успешно. Как следует из записей Галвина, в этот раз с неким складом была достигнута договорённость о выдаче плавленого сыра. Не совсем понятно, как стало возможным получить по 2 кг сыра на руки. В дневнике немного путано сообщается, что в июле этот сыр был признан негодным для питания, поэтому после начала блокады сохранившийся на складах сыр не был нормирован. [1, л. 15]

При внимательном чтении дневника Э.Я. Галвина, ближе к середине ноября становятся заметными существенные изменения в жизни незрячих из дома на Стрельнинской. В записях наиболее подробно раскрыты следующие темы: авианалёты и обстрелы, сокращение пайков и рост очередей, эвакуация. Довольно быстро у жильцов Домпросвета становится значительно меньше работы и всё больше времени для наблюдений и размышлений. В одном из мест дневника Галвин практически восклицает: «Работы здесь нет. Я замечтался. Я замечтался, потому что я ничем не занят». [1, л. 31] Люди занимаются преимущественно хозяйственными делами: заготовляют дрова для печек, ходят в магазины отоваривать карточки. Теперь они чаще и внимательнее наблюдают за тем, что происходит вокруг. Самыми яркими наблюдениями являются бомбардировки и обстрелы. Люди старались научиться определять, в какой стороне происходят взрывы, и кто стреляет. Когда в дом приходили гости, их сразу расспрашивали о том, какие части города подверглись атаке. [1, л. 21] Между собой слепые обсуждают возможные приметы, по которым можно понять, что скоро будет налёт или обстрел. Также говорили о том, как различить выстрелы своей и вражеской артиллерии. [1, л. 22, 25-26] В целом по тону записей видно, что к звукам стрельбы и разрыва снарядов слепые уже «привыкли», потому что Галвин не пишет о страхе или сильном беспокойстве.

Наиболее важной проблемой было добывание пищи. В связи с этим особенно интересно, как в дневнике отражены впечатления слепого человека, которому приходится стоять в блокадных очередях. Галвин ходил за продуктами не один, а вместе со зрячими — с женой и их соседкой. Они пытались разработать план совместных действий, чтобы максимально быстро и в полной мере закупить то, что причиталось по карточкам. Галвина ставили в одну из очередей, и кто-то одна из женщин его периодически навещала. Так как роль Галвина сводилась лишь к тому, чтобы двигаться вперёд, он занимался наблюдениями

и в итоге в своём дневнике подробно описал эволюцию принципа устройства очереди: от «живой очереди» к системе номерков и к системе обновляющихся номерков. [1, л. 34-37] При надо отметить, что Галвин не только пассивно стоял в очереди, но и принимал самостоятельные решения и действовал довольно успешно. Например, в одном случае ему пришлось отлучиться «по долгу службы», после чего он вернулся и самостоятельно нашёл свою очередь. [1, л. 37]

В записи от 28 ноября 1941 года Эдуард Галвин впервые пишет про эвакуацию. Из содержания дневника видно, что информация о возможности выехать на «большую землю» стала проникать на Стрельнинскую 11 по разным каналам. Сам Галвин сначала случайно узнал из телефонного разговора, что вывозят родственников военных моряков. Потом он встретил председателя Ленинградской городской организации ВОС Георгия Петрова, который рассказал, что услышал о начале массовой эвакуации разными средствами в райсовете. [1, л. 30-31, 32] Таким образом, с последних ноябрьских записей в дневнике начинает прослеживаться борьба двух идей: уехать или остаться. Показано, что эта дилемма стояла перед каждым человеком, и в разные моменты каждый склонялся то на одну, то на другую сторону.

В контексте дневника Э.Я. Галвина ноябрь выглядит как переломный месяц в жизни слепых, также как и в жизни всех ленинградцев. В начале люди ещё пытаются сохранять элементы прежней жизни: предпринимают попытку организовать производственное соревнование, хотят получше отпраздновать 7 ноября, ещё работают кружки. в магазинах можно найти сладости, местами есть ещё некоторые излишки продуктов, хорошо работает столовая. Но с середины месяца положение жильцов Стрельнинской 11 резко ухудшается, и жизнь в доме замирает. Это ощущается даже по характеру записей в дневнике. В начале месяца автор отмечает различные события в жизни слепых, приводит много диалогов. В конце месяца видно, что Галвина начинают больше интересовать собственные мысли, которые занимают значительную часть записей. Это было начало первой и самой страшной блокадной зимы.

Глава 3. Декабрь 1941 года: наступление зимы

Декабрь стал месяцем ещё больших испытаний для слепых Ленинграда. Из дневника Э.Я. Галвина видно, что много времени и сил уходило на добывание продуктов и предметов первой необходимости. В этом деле отдельный человек редко мог рассчитывать на помощь товарищей из организации слепых, потому что добыча как правило была настолько мала, что ей невозможно было поделиться с кем-то за пределами собственной квартиры. Но Галвин также приводит примеры, когда незрячие оказывали помощью друг другу в решении бытовых проблем. Кроме того, часть восовцев не просто получала рабочие карточки, а действительно старалась выполнять свои обязанности в качестве рабочих мастерских, ответственных руководителей, работников культурной сферы.

В начале декабря произошли заметные изменения в процессе отоваривания карточек. Это потребовало выработки новой стратегии и тактики действий. Галвин указывает, что стало выгоднее ходить не в крупные магазины, а в ближайшие небольшие. [2, л. 2] Затем из-за усиления дефицита и для регулирования очередей, как считал Галвин, каждому было предложено закрепиться за определённым магазином. Для незрячих этот процесс был связан с дополнительными трудностями, им не всегда удавалось закрепиться там, где было удобнее. Это было связано с тем, что им было сложнее добраться до нужного магазина в числе первых, выстоять очередь, чтобы попасть в список прикреплённых. [2, л. 12] Сами очереди, по словам Галвина, «достигли своей наивысшей стадии» [2, л. 2]: люди стояли по три ряда человек к человеку, и в этой толпе слепому было сложнее ориентироваться, кроме того его нередко могли оттеснить, когда окружающие начинали штурмовать двери открывшегося магазина.

Как известно, в Ленинграде выдавались карточки разных категорий, в зависимости от того, трудился человек или нет, и каким трудом он занимался. Этот вопрос в случае с незрячими был связан с некоторыми особенностями их статуса. Например, Галвин пишет, что некоторые из слепых работников «Щёточно-кистевязальной фабрики» были отнесены к группе рабочих физического труда, хотя «фабрика» не являлась полноценным предприятием, не имела чёткого плана, норм выработки и т. д. [2, л .49] Эдуарду Галвину удалось успешно подать ходатайство в городское управление по выдаче и учёту продкарточек, и в итоге ему выдали карточки 1-й категории как руководителю общественной организации. В целом и другие слепые пытались использовать свои связи или шли на хитрости, чтобы увеличить свой паёк. Так по слухам, дошедшим до Галвина, его заместитель Волков договорился с управдомом и сохранил за собой карточки

эвакуированной семьи. Правда получать их приходилось в другом районе, куда он отправлялся в одиночку без свидетелей. [2, л. 62] Редактор журнала «Путь восовца» несколько раз обращался в правление за помощью в деле получения новых карточек на декабрь взамен якобы потерянных или украденных. Но в одном из разговоров с ним выяснилось, что он всё-таки каким-то образом получил все продукты, полагавшиеся на месяц. [2, л. 105-106]

Жильцам Стрельнинской 11 приходилось выходить из дома не только для приобретения продуктов питания, но и по другим жизненно важным делам. Из дневника Галвина видно, что каждый раз незрячему было непросто добраться до нужного места. Несмотря на то, что трамваи ходили, Галвин указывает на ряд трудностей, связанных с использованием этого вида транспорта. Во-первых, они ходили нерегулярно, поэтому не всегда имело смысл их дожидаться. Во-вторых, окружающие люди часто не могли сказать, куда идёт вагон, а к контролёру не удавалось пробиться. В результате, слепой человек мог уехать не в ту сторону и потеряться. Поэтому, если возникало подозрение, что трамвай свернул не туда, приходилось выходить и проделывать остаток пути пешком. [2, л. 26] Передвижение пешком тоже было связано с дополнительными трудностями для незрячих ленинградцев. Основным препятствием был снег. Во многих местах сугробы не убирали и слепому было непросто найти проход, а передвижение по глубокому снегу отнимало много сил у ослабленного голодом человека. [2, л. 22] Из многочисленных описаний «походов» в дневнике видно, что незрячие старались передвигаться в паре, чтобы страховать друг друга. Галвин также замечает, что определённую опасность представляли другие пешеходы, особенно он опасался тех, кто везли санки, потому что этот «новый вид транспорта» мог сбить с ног, или о него можно запнуться. [2, л. 47] Таким образом, с наступлением зимы появились дополнительные факторы, способствовавшие изоляции незрячих жильцов Стрельнинской 11.

Несмотря на большое количество трудностей, связанных с обеспечением себя всем необходимым для жизни, имевшие достаточно сил восовцы старались продолжать работу. Галвин пишет, что в городское и областное правление регулярно поступали просьбы устроить на работу, но вакансий не было из-за общего сокращения объёмов деятельности всех организаций и производств. [2, л. 17] из контекста дневника можно сделать вывод о том, что претендентами двигало не только желание приносить пользу или чем-то занять себя, но и надежда получить рабочую карточку. Продолжали работу учебные мастерские ВОС, но в незначительном объёме. Судя по всему, твёрдых нормативов не было, потому что, как пишет Галвин, работники могли приходить на 2, 3, 4 часа и по своему желанию возвращаться домой. [2, л. 18] Наиболее интенсивно трудился цех по изготовлению

маскировочных сетей. Видимо, поступить туда было проще, потому что в начале второй декады декабря, когда Галвин ещё имел статус иждивенца, он сам рассматривал возможность поступить на эту работу. [2, л. 29]

Новым направлением деятельности, которое появилось у активистов ленинградской организации общества слепых, стала работа с военнослепшими. Но она велась несистематически и наталкивалась на разные препятствия. Во-первых, не хватало желающих работать с ранеными — Галвин пишет о том, что энтузиазма в этом отношении не наблюдалось. [2, л. 43] Во-вторых, в медицинских учреждениях не всегда были рады посторонним, особенно это касалось интерната для военнослепших на проспекте Динамо. тем не менее, на примере Э.Я. Галвина видно, что периодически к руководителям ленинградской организации обращались с просьбой помочь устроить жизнь ослепших людей, которых собирались выписать из госпиталя. В основном поднимались вопросы об их эвакуации и дальнейшей всесторонней реабилитации. [2, л. 40-42] Но у восовского руководства на тот момент просто не было нужных знаний, связей и ресурсов, чтобы оказать реальную помощь в подобных случаях.

Работа сотрудников Дома просвещения слепых велась не очень активно. Продолжала действовать библиотека, но посетителей стало мало, в основном жильцы дома на Стрельнинской и ближайших улиц (восовцы жили также на Песочной улице и на Геслеровском проспекте). В более отдалённые районы Ленинграда, например, на левый берег Невы, литературу иногда носили книгоноши, это происходило нерегулярно. [2, л. 50] Руководство Домпросвета, городской и областной организаций тоже снизило свою активность. В основном это произошло вследствие реального отсутствия текущих дел, отсутствия ресурсов и полномочий для решений тех проблем, с которыми к ним обращались рядовые члены организации. В 10-х числах декабря к этому добавились и мысли об эвакуации. Её мнимое приближение отбивало желание разворачивать деятельность, задумывать какие-то серьёзные проекты. [2, л. 29, 34-35] Ситуация поменялась во второй половине месяца, когда стало понятно, что перспективы отъезда из города откладываются. С этого времени крупнейшим делом для руководителей Домпросвета и областной организации становится подготовка к выпуску очередного номера журнала «Путь восовца». [2, л. 99-103] Основная работа в этом направлении пришлась уже на январь и февраль 1942 года.

С конца ноября и начала декабря Эдуард Галвин и практически все люди, с которыми он общался, так или иначе размышляли о возможности эвакуироваться. И точки зрения по этому вопросу сильно менялись в течение всего месяца под влиянием событий в Ленинграде и на фронтах. 2 декабря 1941 года Галвин записывает распространившиеся на

Стрельнинской 11 слухи о якобы освобождённой Северной железной дороге, по которой вот-вот должна начать эвакуация. [2, л. 8] Вскоре к этим слухам прибавились другие: об эвакуационных самолётах. Всё это свидетельствует о росте эвакуационных ожиданий среди незрячих. Но, как отмечает в своём дневнике Галвин, организовать выезд именно слепым людям было особенно сложно. Сам он обращался по этому вопросу в районный комитет партии и в областной отдел социального обеспечения. Там ему сообщали, что эвакуация по доступным маршрутам связана с необходимостью пройти какое-то расстояние пешком, а также в течение суток и более ждать места на машине, чтобы переехать Ладожское озеро. Были серьёзные сомнения, что незрячие смогут самостоятельно справиться в этих ситуациях. [2, л. 25, 26, 27] Рассматривались возможности эвакуации на самолёте. Некоторые из числа руководителей ВОС (Ц. Туман, Г. Петров) даже практически сумели договориться о личном включении в списки на вылет вместе с группами военнослепших, но эти вылеты регулярно откладывались. [2, л. 34, 44] Тем временем, до Домпросвета дошли вести об успехах советского наступления и освобождении Тихвина. Эти новости были восприняты как возможное начало перелома в битве за Ленинград и настроения относительно эвакуации поменялись. На фоне надежды на скорое снятие блокады выезд в неизвестность уже не выглядел таким привлекательным. [2, л. 44]

И всё-таки далеко не все слепые стремились уехать подальше от войны, были и кардинально другие настроения. 9 декабря 1941 года руководитель городского отдела ВОС Г. Петров посетил по вызову Смольный, где ему предложили сформировать группу добровольцев для подготовки к службе в войсках ПВО. Предполагалось, что незрячие добровольцы будут служить в качестве операторов звукоулавливателей, с помощью которых по звуку засекались вражеские бомбардировщики в ночное время. [2, л. 22, 24] На призыв ответило около 50 человек. Но процесс отбора был небыстрым, а тем временем усиливавшаяся зима всё больше осложняла перемещение слепых по городу, ухудшалось состояние здоровья потенциальных добровольцев. В результате, по сведениям Галвина, менее чем половине из числа желающих удавалось добираться до медицинской комиссии. [2, л. 53] Тем не менее, это движение свидетельствовало о готовности многих слепых активно участвовать в защите Ленинграда.

На страницах дневника Э.Я. Галвина декабрь предстаёт как месяц борьбы: борьбы людей с холодом и голодом, борьбы разных устремлений от горячего желания поскорее уехать до готовности отравиться на передовую, борьбы отчаяния и надежды. Эти противоречия отразились и в записи Галвина, сделанной 31 декабря: «Сегодня последний день старого 1941 года. Этот год был роковым для многих миллионов жизней. <…> Он принёс Голод и смерть в каждый дом, в каждую квартиру, в каждую семью. Этот год

провожают люди вздохами и проклятиями... Но этот год стал порогом для новой жизни. Этот год развязал смертельную борьбу со старым миром, с миром фашизма. Эту борьбу будут вспоминать новые, более счастливые поколения тысячелетиями».

Глава 4. Январь и февраль 1942 года: борьба за жизнь

Два первых месяца 1942 года стали временем, возможно, самых тяжёлых испытаний для незрячих жильцов дома 11 на Стрельнинской улице. Перебои с работой лишали людей и возможности получать продукты по более высокой рабочей норме, а также отнимали занятие, которое поддерживало их, отвлекало от повседневных проблем и страхов. Пика достиг развал коммунального хозяйства. Возросло число конфликтов между соседями. Это происходило из-за того, что люди были измотаны голодом и переживаниями. Некоторых ощущение безысходности и отчаяние толкали на страшные поступки. Под давлением слухов росло недоверие людей друг к другу. В этой ситуации только упорство, напоминание себе о необходимости бороться не давало людям опускать руки: «Жить, жить, жить! Выдержать, пережить все эти лишения, весь этот кошмар!» [3, л. 5]

В январе 1942 года практически полностью прекратилась производственная и культурная деятельность организаций слепых: ЛООВОС (Ленинградское областное общество слепых) и ГОРВОС (Городское общество слепых). Галвин отмечает, что в мастерских наблюдались простои из-за темноты, холода, отсутствия материалов и транспорта/ [3, л. 48] Помещения Домпросвета (ДПС), где ранее кипела жизнь, опустели, а температура в них падала/ [3, л. 147] Это означало утрату слепыми привычных рабочих мест и источников дохода. Культурная работа при Домпросвете также замерла: выдача книг из библиотеки сократилась до нескольких экземпляров в день, а другие формы деятельности (например, драмкружок) фактически исчезли/ [3, л. 122] Для слепых, чья жизнь во многом зависела от организованной поддержки общества, это стало значительным изменением, лишив их социальной активности и занятости.

Январь 1942 года ознаменовался резким ростом смертности среди слепых, что отразилось на их социальной среде. Галвин фиксирует многочисленные случаи смерти знакомых и коллег: Ш. умер 3 января/ [3, л. 16] Татьяна — 7 января [3, л. 26], Поликарпов и Соловьёв — 8 января [3, л. 39], семья Зеленковых потеряла трёх членов за сутки к 26 января. [3, л. 144] Эти потери сократили круг общения и поддержки, что особенно тяжело сказывалось на слепых, зависящих от помощи окружающих. Смерть стала повседневным явлением, а отношение к ней изменилось: люди привыкли к утратам, что отмечено в равнодушных реакциях на смерть близких. [3, л. 126] Это изменение эмоционального фона усилило изоляцию слепых.

В то же время некоторые слепые получили возможность внести вклад в войну с захватчиками, поступив в армию в качестве слухачей. 14 января группа из 10 человек,

включая Кема. Барисова, Зобина, Скробота и Рубинштейна, отправилась на фронт. [3, л. 67] Это стало новым направлением активности для слепых, предоставив им альтернативу пассивному выживанию в городе. Галвин сам рассматривал такую возможность, видя в ней шанс быть полезным и улучшить своё питание. [3, л. 67-68]

В условиях дефицита ресурсов слепые были вынуждены адаптироваться к новым бытовым задачам. Галвин описывает, как он занялся мелким ремонтом и строительством (например, сооружением шкафчика и сарая), что ранее не было типичным для его повседневности [3, л. 48-50]. Это изменение свидетельствует о необходимости большей самостоятельности в условиях, когда помощь извне стала недоступной. Кроме того, это был способ занять себя, создавать материальные доказательства того, что ты жив и всё ещё в силах преобразовывать мир вокруг себя.

Дефицит продовольствия стал главной трудностью для слепых. Несмотря на увеличение норм хлеба (25 декабря 1941 года и 24 января 1942 года до 400, 300 и 250 г для разных категорий) [3, л. 123], очереди за хлебом выросли до 4–7 часов [3, л. 153-154], что было особенно сложно для слепых из-за ограниченной мобильности. Продукты по карточкам выдавались не полностью: за декабрь не были получены жиры и кондитерские изделия [3, л. 97], а в январе выдачи были скудными (например, 100 г мяса и 400 г муки). [3, л. 97] Размышляя об этих обстоятельствах, Галвин записал в дневнике: «Я хочу жить и хочу думать о жизни. Но как жить? Жиры за 3-ю декаду декабря не выданы. За январь ничего не выдаётся. В магазинах нет ни продуктов, ни людей». [3, л. 43]

Голод привёл к крайним мерам: варили студень из столярного клея [3, л. 107] и сыромятных ремней [3, л. 190], что подчёркивает отчаянное положение. Слепые, не имеющие возможности самостоятельно добывать еду на рынках или через обмен, оказались в уязвимом положении.

Прекращение работы водопровода с середины января [3, л. 128-130] вынудило слепых искать воду в подвалах, соседних домах или на Неве. [3, л. 137-138] Для слепых это означало необходимость преодолевать большие расстояния в условиях мороза и скользких дорог, что было физически и психологически тяжело. [3, л. 145] Галвин описывает поездки за водой как изнурительные, но необходимые для выживания. [3, л. 144] Замерзание канализации привело к закрытию уборных [3, л. 133], что усугубило санитарную ситуацию. Для слепых, полагающихся на привычную ориентировку в пространстве, это создало дополнительные риски антисанитарии и болезней, таких как тиф. [3, л. 11]

Остановка транспорта [3, л. 10] и перебои с электричеством [3, л. 60] резко сократили мобильность слепых. Галвин отмечает, что передвижение по городу стало испытанием:

путь в ГОРЛИТ или райсовет занимал часы и требовал сопровождающих. [3, л. 78-93, 184-191 Это ограничило доступ к медицинским услугам, аптекам и организациям.

Медицинская помощь стала практически недоступной: сроки изготовления лекарств увеличились до двух суток, а многие препараты отсутствовали. [3, л. 8] Вызов врача на дом не выполнялся вовремя [3, л. 14], что было критично для слепых, не способных самостоятельно добраться до поликлиник. «Кто придёт первым “в порядке очереди” — врач или смерть?» — адавался вопросом Галвин. [3, л. 40]

Слепые столкнулись с усилением изоляции из-за сокращения социальных контактов и разрушения привычных структур поддержки. Галвин описывает опустевшие учреждения и редкие посещения [3, л. 148], а также конфликты в быту, например, с Марией Гансовной, вызванные нехваткой ресурсов и напряжением. [3, л. 98-100, 181-182] Эти конфликты подрывали солидарность, необходимую для выживания.

Моральные дилеммы, такие как кража хлеба «Женей И.» [3, л. 173-180], ставили слепых перед выбором между выживанием и этикой, что усиливало психологическое давление. Физическое истощение стало повсеместным. Галвин фиксирует случаи слабости у себя и окружающих [3, л. 51-52, 162-167], а также участившиеся смерти от голода и болезней. [3, л. 65] Для слепых, чьи физические возможности и так ограничены, это означало повышенный риск гибели, особенно при отсутствии адекватной помощи.

Эвакуация, ставшая возможностью для спасения, принесла слепым новые трудности. На первых порах процесс был плохо организован: заявления не принимались до 9 февраля [3, л. 197], а выезд зависел от личных связей и договорённостей. [3, л. 108, 205] Галвин сталкивается с бюрократическими препятствиями в райсовете, где ему обещают отправку только после 5 февраля [3, л. 200], а банк, необходимый для финансовых операций перед отъездом, не работает. [3, л. 201] Физические ограничения слепых усложняли подготовку к эвакуации. Длинные переходы по городу [3, л. 184-191] были изнурительны, а отсутствие транспорта и сопровождающих [3, л. 184] делало их ещё более трудными. Галвин сомневается в своих силах выдержать армейский режим [3, л. 70] или дальнюю дорогу, что подчёркивает уязвимость слепых перед такими перемещениями. Психологическая неопределённость также стала проблемой. Галвин колеблется между желанием уехать и страхом перед неизвестностью [3, л. 206], обсуждая с женой Марией варианты отъезда. [3, л. 42-43] Отсутствие точной информации о пунктах назначения (например, Ташкент или Темников, [3, л. 161] и условиях жизни там усиливало тревогу.

Жизнь слепых людей в осаждённом Ленинграде в феврале 1942 года претерпела ряд изменений по сравнению с январём. Эти изменения затронули продовольственное положение, эвакуацию, бытовые условия, работу организаций помощи слепым, уровень

опасности от обстрелов и психологическое состояние. Несмотря на некоторые улучшения, общая ситуация оставалась крайне тяжёлой, а новые вызовы лишь усугубляли положение слепых жителей.

В январе 1942 года слепые, как и всё население Ленинграда, столкнулись с катастрофической нехваткой продовольствия. Нормы выдачи хлеба были увеличены 24 января до 400, 300 и 250 г для разных категорий [3, л. 123], однако очереди за хлебом растягивались на 4–7 часов, что было особенно тяжело для слепых из-за их ограниченной мобильности. [3, л. 153–154] Нормы хлеба снова выросли 11 февраля: до 500 г для первой категории, 400 г для второй и 300 г для третьей. [4, л. 40] Это стало небольшим облегчением, но голод оставался всепроникающим, а физическое истощение не уменьшалось. [4, л. 97] Случаи смерти среди слепых продолжали фиксироваться, подчёркивая высокую смертность [4, л. 68], что отличалось от января лишь масштабами незначительного улучшения пайков, не менявшего общей картины. «Я иногда договариваюсь, что готов идти на любое преступление, если только избавиться от голода. Но я не способен на такие преступления, которые помогли сколько-нибудь». [4, л. 9]

Если в январе эвакуация была практически заморожена — заявления не принимались до 9 февраля, а выезд зависел от личных связей [3, л. 197, 108, 205] — то в феврале процесс заметно оживился. Несколько слепых, таких как руководитель Домпросвета Ц. Туман (уехал 3 февраля) [4, л. 5], П-ский (8 февраля) [4, л. 28] и Прехтель (21 февраля) [4, л. 93], смогли покинуть город. Однако возникли новые препятствия: для слепых требовались сопровождающие, что усложняло получение эвакуационных листов. [4, л. 66] Некоторые, включая автора и его жену Марию, откладывали отъезд из-за слабого здоровья и морозов [4, л. 4, л. 70], что подчёркивает сохраняющиеся трудности по сравнению с почти полным застоем января.

В январе прекращение работы водопровода вынудило слепых добывать воду в подвалах или на Неве, что было изнурительным и опасным. [3, л. 128–130, 137–138] В феврале водоснабжение начало восстанавливаться: вода появилась в соседних домах, и время её доставки сократилось до 20–30 минут [4, л. 94], хотя в домах самих слепых она часто отсутствовала из-за замёрзших труб. [4, л. 95] Пожары оставались угрозой — случай с возгоранием несгораемого шкафа тушили снегом [4, л. 31–35] — но к концу февраля в некоторых домах вернулось электричество [4, л. 113], что стало значительным улучшением по сравнению с полной темнотой и холодом января.

В январе организации слепых, ЛООВОС и ГОРВОС, практически прекратили работу из-за холода, темноты и нехватки ресурсов. [3, л. 48, 147] В феврале ситуация не изменилась к лучшему: штат ЛООВОС сократился до двух человек из-за болезней и отъезда

сотрудников [4 л. 36], а банковские операции, необходимые для финансирования, оставались затруднёнными. [4, л. 67] Бюрократические препятствия продолжали мешать слепым получать поддержку [4, л. 22, 23], что сохраняло их зависимость от собственных сил, как и в январе.

Если в январе обстрелы были менее интенсивными, то в феврале они возобновились с новой силой. Артиллерийская стрельба стала слышна часами, взрывы сотрясали стёкла [4, л. 15], а снаряды попадали в городские объекты, например, в завод Казикого. [4, л. 14] Обстрелы объявлялись по радио [4, л. 76], что увеличивало угрозу для слепых, чья ограниченная мобильность и зависимость от связи с внешним миром делала их особенно уязвимыми по сравнению с относительным затишьем января.

В январе слепые уже переживали тяжёлое психологическое состояние из-за голода и изоляции. [3, л. 51–52, 162–167] В феврале отчаяние усилилось: автор отмечал постоянный страх смерти и голод [4, л. 9, 79], а его жена Мария впадала в истерику из-за бытовых трудностей. [4, л. 39] Появление случаев каннибализма, таких как с Красовским [4, л. 82–85], стало новым шокирующим проявлением моральной деградации, чего не фиксировалось в январе, усиливая психологический надлом: «Как быстро человек превращается в скотину! Как быстро он культурно дегенерирует и идёт назад к положению своих предков далёкой древности?» [4, л. 107]

По сравнению с январем 1942 года февраль принёс слепым жителям Ленинграда как незначительные улучшения — рост норм хлеба, частичное восстановление воды и света, оживление эвакуации, — так и новые трудности: усиление обстрелов, бюрократические барьеры в эвакуации, углубление психологического кризиса и продолжающаяся дезорганизация помощи. Эти изменения отражали общую динамику блокады, но для слепых они усугублялись их зависимостью от внешней поддержки и физическими ограничениями.

Заключение

В результате проделанной работы были оцифрованы и частично оцифрованы четыре хронологические части блокадного дневника Эдуарда Яковлевича Галвина, которые охватывают период с ноября 1941 года по февраль 1942 года. Анализ структуры и содержания этого текста потребовал предварительной подготовки. Она заключалась в изучении доступных публикация, посвящённых теме выживания слепых в блокадном Ленинграде, а также материалов, содержащих информацию о личности и биографии Э.Я. Галвина. Это позволило оценить степень достоверности сведений, сообщаемых в дневнике, и выделить наиболее значимые изменения в жизни слепых в окружённом городе.

Изученные данные по биографии Эдуарда Галвина (Петериса Бундурса) показали, что это был человек с богатым жизненным опытом. Как человек, вышедший из крестьян, он должен был хорошо разбираться в различных бытовых вопросах, имел навыки, необходимые для приспособления к разным условия жизни, а значит мог более или менее объективно оценить степень серьёзности тех трудностей, которые приходилось решать слепым в ноябре 1941 — феврале 1942 года. Галвину также приходилось участвовать в боевых действиях, в том числе в обороне другого города, Риги, а значит и артиллерийские обстрелы были ему знакомы. Создатель дневника также имел большой опыт руководства различными организациями, особенно связанными со слепыми, поэтому он понимал механизм их работы, способы взаимодействия с государственными и партийными чреждениями. Также он имел знакомых, связанных с разными элементами системы управления Ленинградом. Это позволяло Галвину более взвешено оценивать ситуацию, получать дополнительные сведения в блокадные месяцы. Проживая в доме 11 на Стрельнинской улице, Галвин фактически располагался в центре, где происходили важнейшие события в жизни ленинградских слепых, либо туда стекались новости со всего города. Многое из этих полученных фактов и слухов отразились на страницах дневника.

Дневник Э.Я. Галвина ценен как источник информации о жизни слепых в блокадном Ленинграде по целому ряду причин. Во-первых, это достаточно высокий уровень компетентности автора по разным вопросам, о чём уже было сказано выше. Во-вторых, записи делались «по горячим следам», в соновном в тот же день, когда происходили события. За счёт этого сохранились многие детали, которые со временем могли забыться, а также были зафиксированы непосредственные эмоции и чувства автора, связанные с тем, что только что произошло, или о чём он узнал. В-третьих, многие записи действительно очень подробны — Галвин, вероятно, хотел создать для себя источник информации на

будущее, чтобы на его основе можно написать историю организации военного периода. В-четвёртых, он старался осмыслить, понять причины происходящего, объяснить поведение окружающих его людей, ход войны, а также сделать прогнозы на будущее — всё это отразилось на страницах дневника. Указанные качества данного исторического источника сделали возможным реконструировать на его основе картину жизни слепых в блокадном Ленинграде.

После того, как город попал в окружение, жизнь ленинградцев значительно изменилась в очень короткие сроки. Этот процесс не обошёл стороной и слепых. К сожалению, записей Галвина о сентябре и октябре 1941 года не сохранилось, возможно, что их и не существовало. Но записи первой декады ноября позволяют восстановить основные составляющие картины жизни, сложившиеся к этому времени. Они показывают, что члены Ленинградской организации Всероссийского общества слепых по возможности старались сопротивляться разрушительным переменам. Бытовые условия в доме на Стрельнинской, как во в других местах, где жили незрячие, ещё были относительно приемлемыми: хватало топлива для отопления помещений, текла вода, было электричество и работало радио. Продукты питания в магазинах были более или менее доступны, кроме того работали столовые для членов руководящих органов, работников Домпросвета и УПМ. Многие незрячие продолжали трудиться, так как работа позволяла получать больший паёк, зарплату, занимало людей, отвлекая от тревог, связанных с боевыми действиями.

Примерно с середины ноября 1941 года условия жизни стали стремительно ухудшаться. В первую очередь, как следует из дневника Галвина, обострился продовольственный вопрос: перед магазинами появились очереди, которые слепым было непросто преодолеть; столовые, сдуя по всему, стали сворачивать свою деятельность из-за отсутствия продуктов; психологическую обстановку накаляли слухи о дальнейших сокращениях норм выдачи хлеба. Возможно, что это повлияло и на усиление страха перед обстрелами и бомбардировками, обсуждения которых несколько раз пересказывает Галвин. Начала останавливаться культурная работа в Домпросвете из-за того, что у людей не было сил и возможностей посещать кружки, лекции и библиотеку. Разрушение прежних составляющих привычной жизни впервые в конце ноября породило частые разговоры об эвакуации.

Декабрь стал месяцем, когда кризисы сменялись появлением новых надежд, и наоборот. Особенно отчётливо эти психологические колебания проявлялись в «эвакуационных настроениях». Снижение температуры в жилище, ощущение недостатка топлива для печек, трудности с получением скудного пайка, отсутсвие работы — всё это подстёгивало желание уехать из города при любой возможности. А вести об успехах на

фронтах, слухи о скором повышении норм, появлявшиеся иногда возможности получить дополнительные продукты или заменить карточки на более высокую категорию — эти факторы усиливали желание остаться в Ленинграде. Часть незрячих принципиально решила до последней возможности участвовать в обороне города. Начиная с 10 декабря они стали записываться в добровольцы для поступления на службу в части ПВО в качестве слухачей. В середине следующего месяца как минимум 10 добровольцев отправились в действующую армию.

Январь и февраль 1942 года стали роковыми для многих представителей Ленинградской организации общества слепых. Незрячие массово были ослаблены физически из-за длительного недоедания. Их психика также подвергалась серьёзным испытаниям. Это было связано не только со страданиями из-за холода и голода, но также из-за усилившейся изоляции. Встал транспорт, улицы были завалены сугробами и обломками зданий, пострадавших от обстрелов и налётов, которые вновь участили к февралю. В квартирах дома на Стрельнинской замолчало радио и его жильцы потеряли возможность оперативно узнавать новости, понимать, что происходит вокруг них. Жестокий дефицит продуктов питания и предметов первой необходимости доводил людей до отчаяния, которое иногда толкало их на самые ужасные поступки. Э.Я. Галвин описывает не только попытки обмана, воровство, но даже слухи о каннибализме, доходившие до незрячих. Всё это порождало обстановку недоверия, разжигало конфликты. Поэтому неудивительно, что часть восовцев, имевших необходимые связи, в начале февраля, наконец, решились и смогли эвакуироваться.

В ходе зимы 1941-1942 годов. Ленинградская организация Всероссийского общества слепых понесла большие потери за счёт умерших от голода. Но дневник Э.Я. Галвина доказывает, что слепые ленинградцы не были беспомощными. Большинство из них упорно боролось за себя и своих близких, помогало друг другу, сплачивалось для решения общих задач, проявлять настоящий героизм для защиты своего города. Несмотря на то, что их жизнь отличалась от жизни зрячих дополнительными трудностями, многие восовцы считали необходимым оставаться в Ленинграде, чтобы помогать оборонять его. Размышления самого Галвина показывают, что это были не «железные люди», их тоже терзали страхи и соблазны, но они прилагали усилия, чтобы не поддаться им. В итоге, более 80 членов ВОС были награждена медалью «За оборону Ленинграда». Читая дневник Э.Я. Галвина, мы лучше понимаем цену и значения их подвига.

Список источников и литературы

Источники:

1. Дневник Галвина. 1. Январь-Ноябрь 1941 г. // Народный музей истории СПб РО ВОС.

2. Дневник Галвина. 2. Декабрь 1941 г. // Народный музей истории СПб РО ВОС.

3. Дневник Галвина. 3. Январь 1942 г. // Народный музей истории СПб РО ВОС.

4. Дневник Галвина. 4. Февраль 1942 г. // Народный музей истории СПб РО ВОС.

5. Куприянов В.Т. Ленинградская организация ВОС в годы войны и блокады. // Народный музей истории СПб РО ВОС. Электронный архив.

6. ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 80. Д.775.

Литература:

7. Большакова Р.Ф. Из памяти этого не убрать... // Русский инвалид. — 1997. — № 2. С. 8.

8. Высоцкая Л.А. Незабываемое. Незрячие в блокадном городе. // Колесо познания. [Электронный ресурс]. — 2010. — № 85. URL: https://vk.com/wall-74820512_303 (дата обращения 22.12.2022).

9. Галямова Г.В. Эдуард Яковлевич Галвин. Музейная справка. // Народный музей истории СПб РО ВОС.

10. Дубровина Т. Так сражались незрячие бойцы. // 24 часа: газета-дайджест. — 1999. — 6 мая. С. 15.

11. Клюшников Е.В. Высокая награда. // Росмэ. — Рига. — Февраль 1968 г. — № 2.

12. Куприянов В.Т. Слухачи. // Наша жизнь. — 2009. — № 5. С. 25-32.

13. Память в дневниках: К 100-летию Санкт-Петербургской (Ленинградской) региональной организации ВОС и 80-летию полного снятия блокады Ленинграда. / Сост. Г.В. Галямова и др. — М.: /ИПТК «Логосвос», 2024. — 116 с.

14. Пойшо М. Эти великие дни… // Путь восовца. — Л. — 1971. — № 4, 5, 6.

15. Ястребова О.И. Домпросвет: Якорь спасения. // Вестник. Зодчий. 21 век. — 2020. — № 1. С. 30-31.

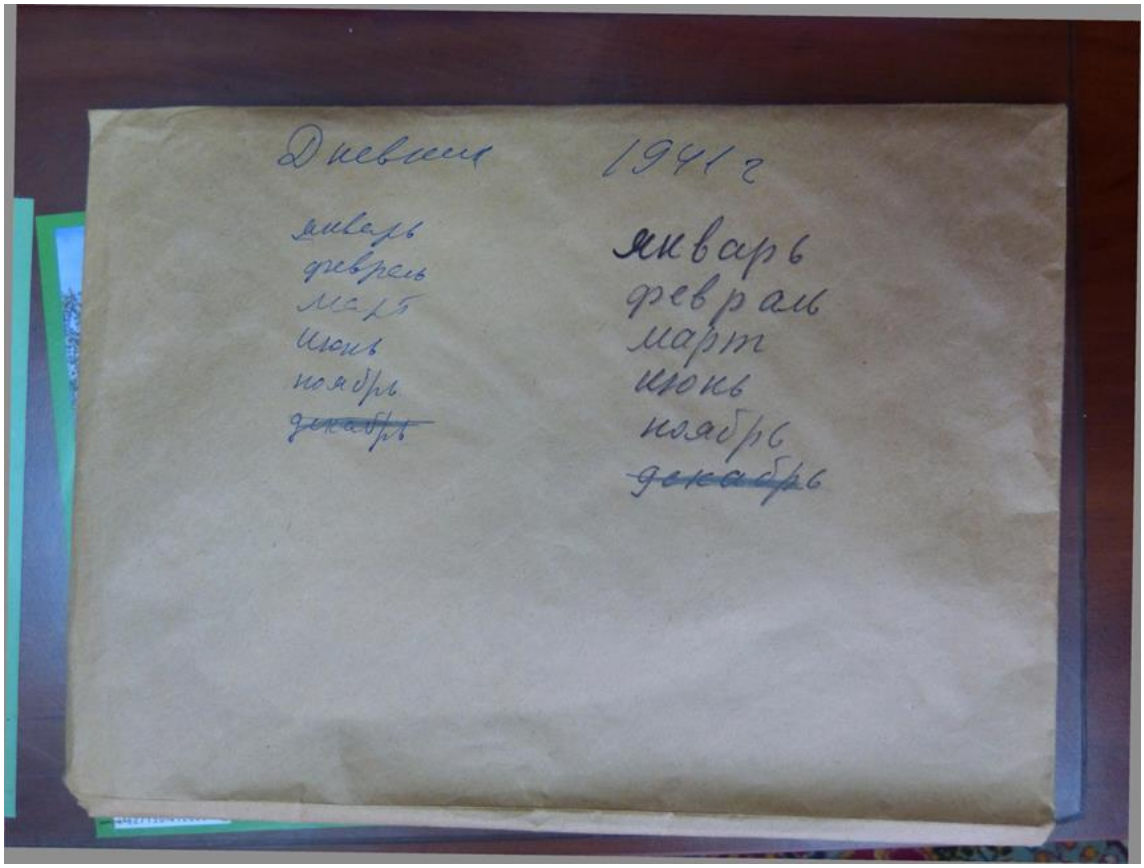
16. Ястребова О.И. Якорь спасения: Библиотека для слепых и слабовидящих. // Библиотеки блокадного Ленинграда. / Сост. Ж.Н. Малахова, И.Е. Климова. — СПб., 2019. С. 122-124.

Приложения

Приложение 1.

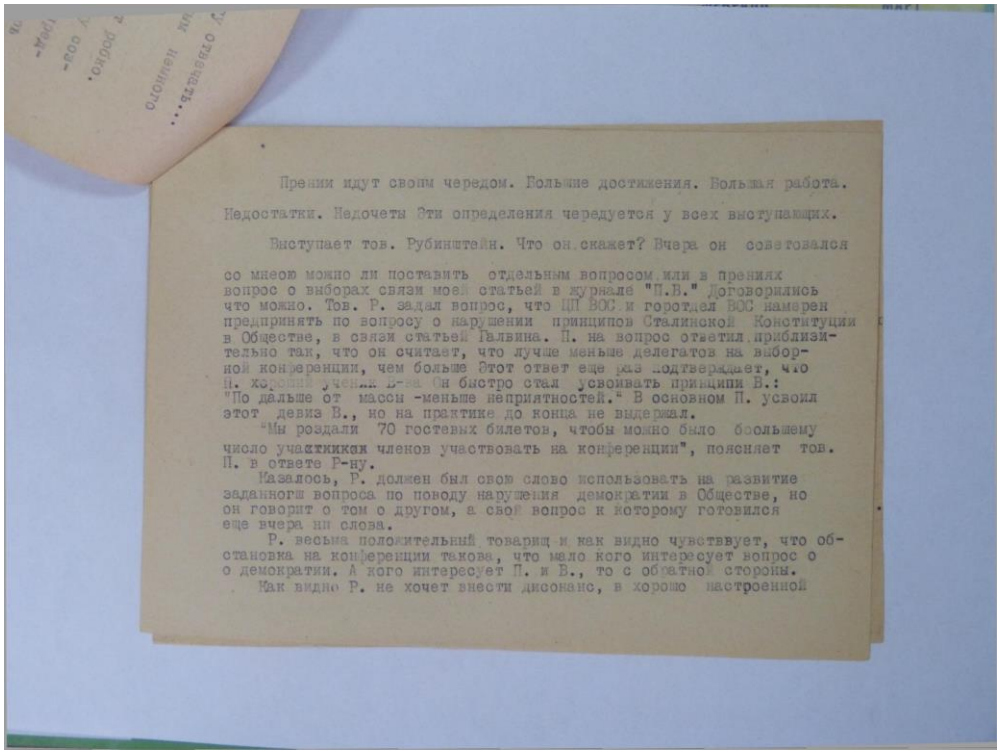
Домпросвет им. В.А. Шелгунова. Стрельнинская 11, где жил и работа Галвин, Дом просвещения слепых. Ленинград. Дата? Автор?
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых.

Приложение 2.



Дневник Галвина Э.Я.,Ч. 1, Я-Н 1941.
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых.

Приложение 3.



Прения идут своим чередом. Большие достижения. Большая работа. Недостатки. Недочеты Эти определения чередуются у всех выступающих.

Выступает тов. Рубинштейн. Что он скажет? Вчера он советовался со мною можно ли поставить отдельным вопросом или в прениях вопрос о выборах связи моей статьей в журнале "П.В." Договорились что можно. Тов. Р. задал вопрос, что ЦП ВОС и горотдел ВОС намерен предпринять по вопросу о нарушении принципов Сталинской Конституции в Обществе, в связи статьей Галвина. П. на вопрос ответил приблизительно так, что он считает, что лучше меньше делегатов на выборной конференции, чем больше Этот ответ еще раз подтверждает, что П. хороший ученик В-на. Он быстро стал усвоивать принципи В.: "По дальше от масси -меньше неприятностей." В основном П. усвоил этот девиз В., но на практике до конца не выдержал.

"Мы роздали 70 гостевых билетов, чтобы можно было большему число участникам членов участвовать на конференции", поясняет тов. П. в ответе Р-ну.

Казалось, Р. должен был свое слово использовать на развитие заданного вопроса по поводу нарушения демократии в Обществе, но он говорит о том о другом, а свой вопрос к которому готовился еще вчера ни слова.

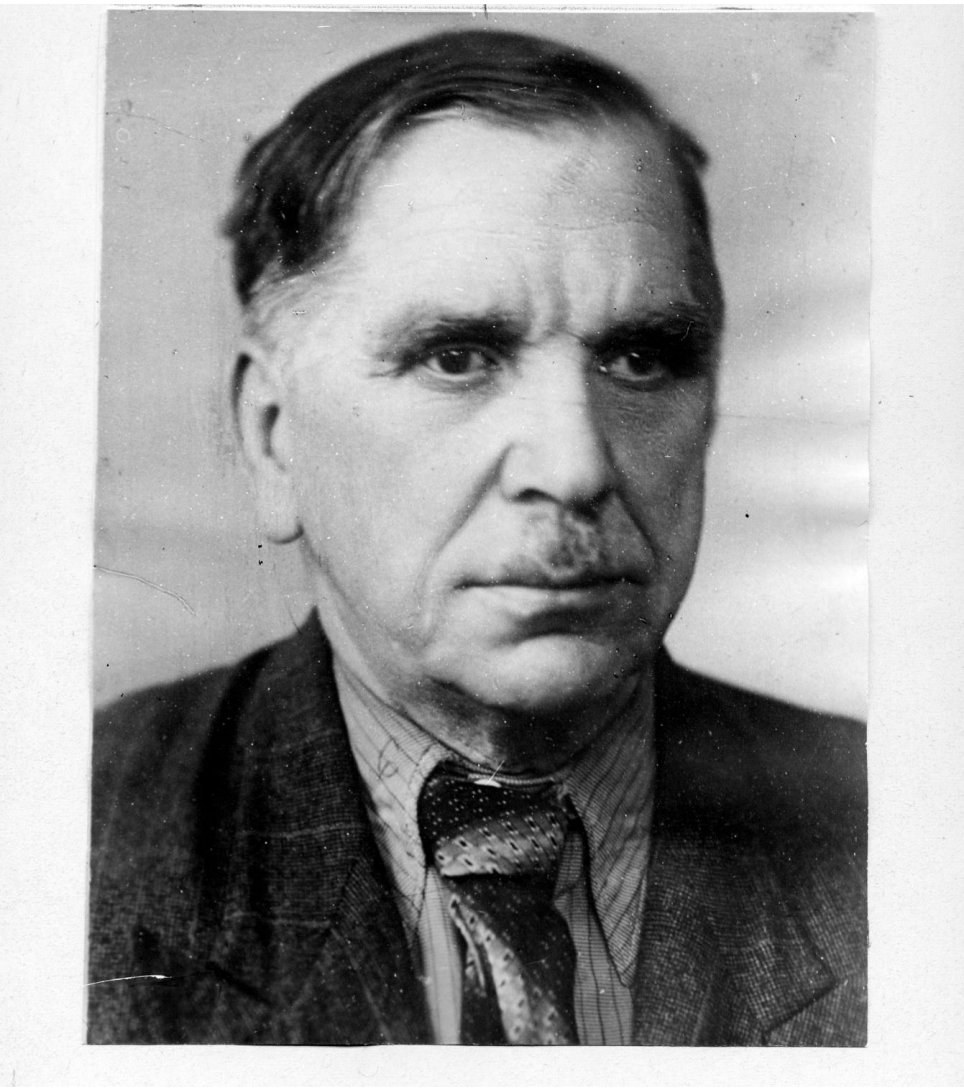
Р. весьма положительный товарищ и как видно чувствует, что обстановка на конференции такова, что мало кого интересует вопрос о о демократии. А кого интересует П. и В., то с обратной стороны.

Как видно Р. не хочет внести дисонанс, в хорошо настроенной

Пример листа из дневника Э.Д. Галвина

Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 4.



Портрет Э.Я. Галвина. Место? Дата? Автор?
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 5.

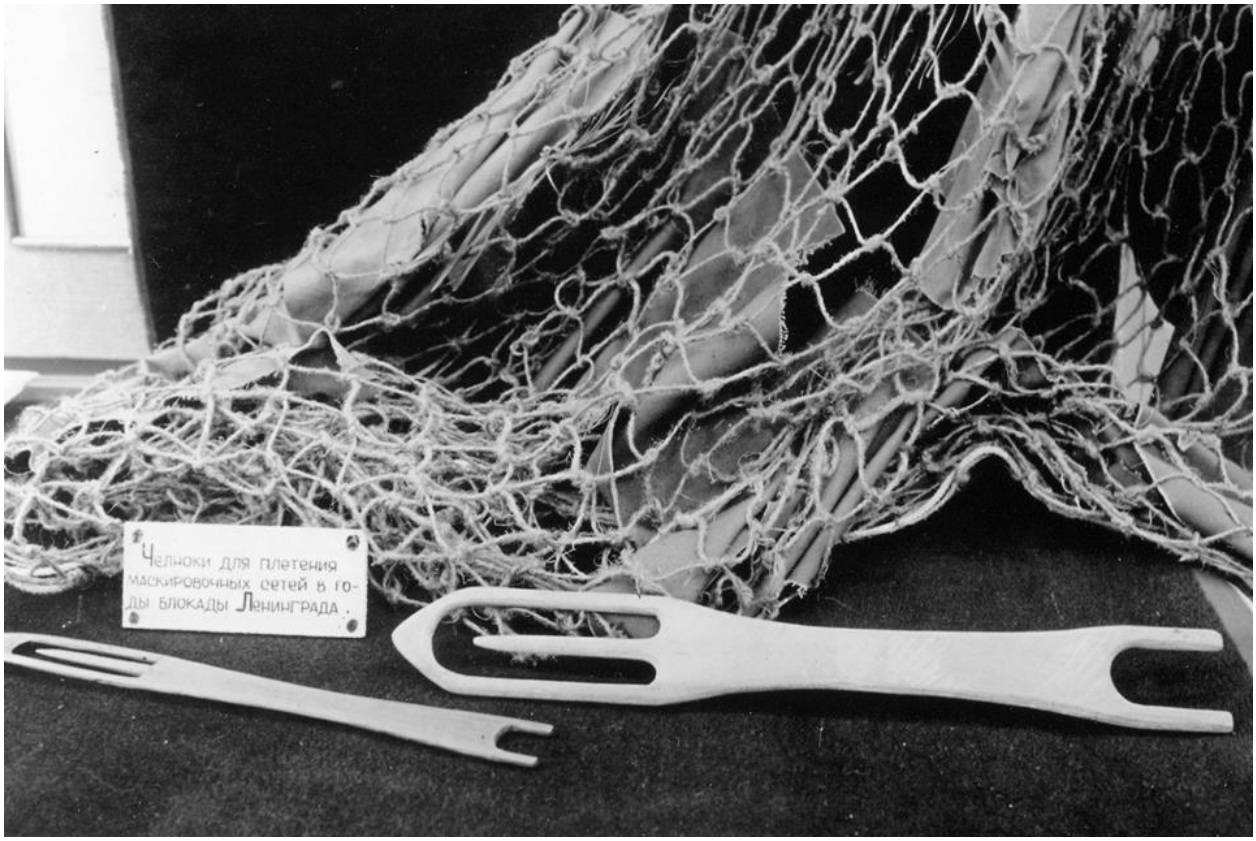
Библиотека Домпросвета. Ленинград. 1940 г. Автор?
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 6.

Ленинградский интернат для военнослепших на проспекте Динамо, дом 14 «А». Ленинград. Дата? Автор?

Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 7.



Маскировочная сеть. Ленинград. Дата? Автор?
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 8.

Кабинет естествознания. Ленинград. Дата? Автор?
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

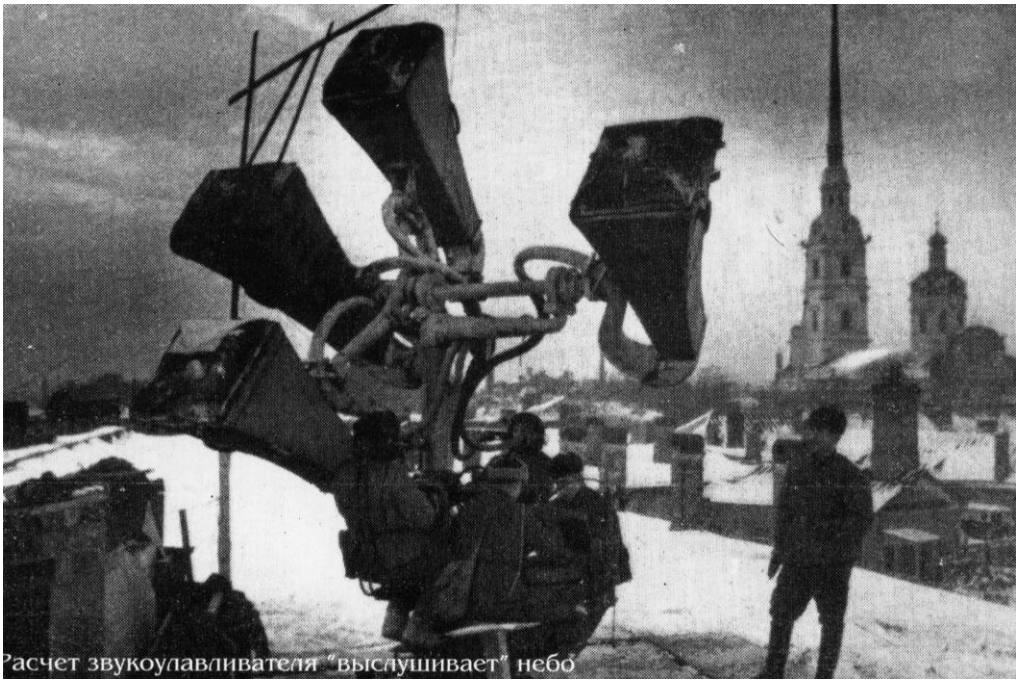
Приложение 9.

Духовой оркестр под руководством Ивана Филипповича Скробота. Ленинград. Дата? Автор?
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 10.

Занятия на курсах военнослепших. Ленинград. 1942 г. Автор?
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 11.



Расчёт звукоулавливателя на территории Петропавловской крепости. Ленинград. 1942 г. Автор?
Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 12.

Президиум Леноблотдела ВОС. Третий слева — Галвин. Ленинград. 1930-е гг. Автор?

Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 13.

Шахматный кружок. Домпросвет. Ленинград. 1940 г. Автор?

Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 14.

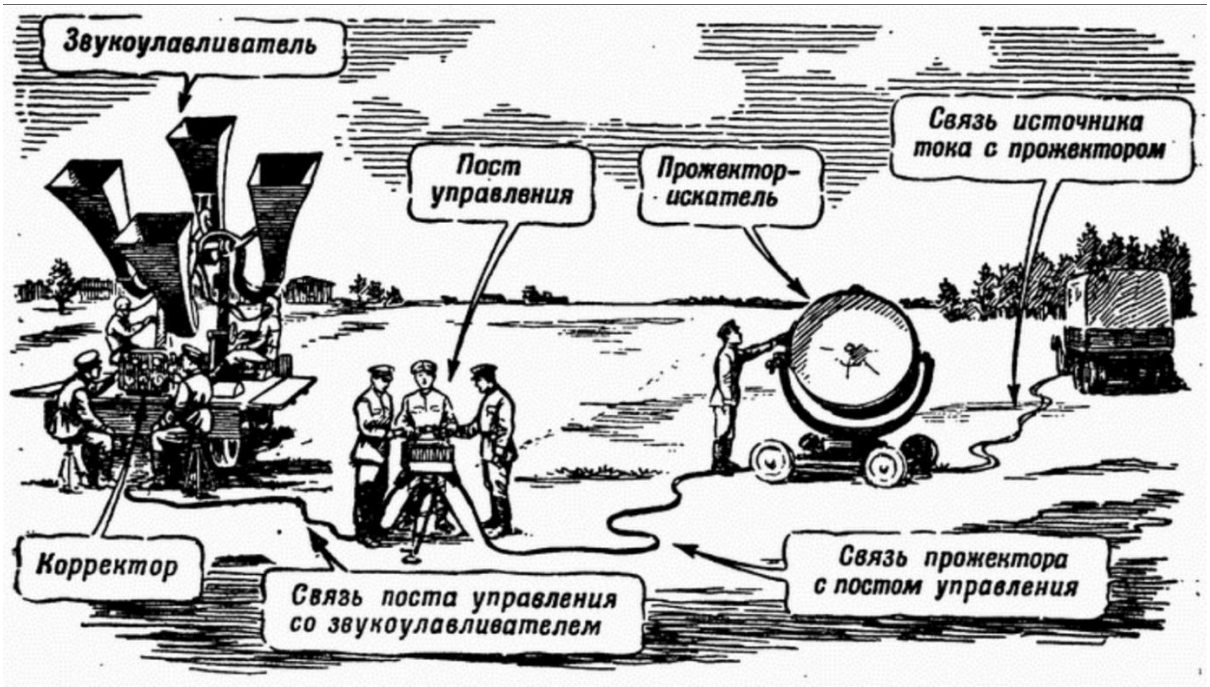


Схема системы «Прожзвук-4», состоявшей из звукоулавливателя ЗТ-5 и зенитного прожектора 3-15-4, синхронно связанных с постом управления.

Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых

Приложение 15.

Бюро тифлотехнической секции. Ленинград. Дата? Автор?

Секция изучала различные проекты технических разработок: машинки для письма по Брайлю, средства создания рельефных изображений, модификации для заводских станков и другие.

Источник: Архив народного музея истории организации Всероссийского общества слепых